

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.31

ПОНЯТИЕ НАРРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ П. РИКЁРА*

А. А. Аникина

Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
lieda27@gmail.com

Аннотация. Один из факторов проблематизации человека в современном мире – это ситуация небывалой множественности. Безграничное море информации, множественность доступных жизненных стратегий, моделей поведения, религий, культур и даже «миров» – все это заставляет пересматривать представления о личной идентичности. Концепция нарративной идентичности П. Рикёра представляет собой продуктивный инструмент для исследования многообразия и изменчивости идентичностей различного уровня, однако ввиду определенных сложностей это понятие не нашло пока понимания у исследователей. Статья призвана систематизировать представления о нарративной идентичности, устранить неточности понимания и употребления данного понятия.

Ключевые слова: П. Рикёр, нарративная идентичность, самость, нарратив, ответственность, когнитивная нарратология.

Для цитирования: Аникина, А. А. (2023). Понятие нарративной идентичности в философии П. Рикёра. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 1. С.5-14. DOI: 10.47850/RL.2023.4.1.5-14

THE CONCEPT OF THE NARRATIVE IDENTITY IN THE PHILOSOPHY OF P. RICOEUR*

A. A. Anikina

Novosibirsk State University (Novosibirsk)
lieda27@gmail.com

Abstract. In the modern world one of the factors of problematization of a human being is a situation of unprecedented plurality. An endless information, the plurality of available life strategies, patterns of behavior, religions, cultures and even “worlds” – all this forces us to reconsider the concepts of personal identity. Communities, that is, collective actors, face similar difficulties. For collective actors, the situation is complicated by the fact that different levels of institutionalization of communities produce their own identities, unite conflicting groups, or vice versa, communities are created that go beyond the usual institutions. This diversity creates difficulties both for the individual defining his identity and for the study of the situation. We believe that the concept of narrative identity by Paul Ricoeur provides a basis for deriving a “common denominator” for all this diversity, allows us to find a common framework for the study of identities at various levels.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00801 «Концепция тройственного мимесиса П. Рикёра как основание верифицируемости исторических нарративов».

* The article was funded by the RFBR, according to research project No 20-011-00801 “The Concept of the Tripartite Mimesis of P. Ricoeur as the Basis for Verification of Historical Narratives”.

Keywords: P. Ricoeur, narrative identity, self, narrative, responsibility, cognitive narratology.

For citation: Anikina, A. A. (2023). The Concept of the Narrative Identity in the Philosophy of P. Ricoeur. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 1. С.5-14. DOI: 10.47850/RL.2023.4.1.5-14

Рикёр подробно разработал концепцию нарративной идентичности, переосмысливая временное измерение «я» в книге «Я-сам как другой». В предшествующей книге «Время и рассказ» Рикёр разработал понятие нарратива как сложной мыслительной конструкции, которая позволяет человеку ухватить временные аспекты окружающего мира и своего существования в нем. Из доступных нашему сознанию феноменов временного опыта – космического времени, т. е. хода вещей, независящего от человека, и человеческого времени, подвластного человеку, – конфигурируется рассказанное время, которое и осуществляется в линейной форме нарратива. Нарратив является посредником между космическим и человеческим временем, позволяющим вписать человеческую жизнь в ход вещей. Рикёр уверен, что нарративность неустранимо присуща человеческому сознанию как попытка мыслить время, артикулировать отдельные его отрезки и устанавливать непрерывность события. Рикёр полагал, что нарративная идентичность выстраивается на пересечении опыта и художественного вымысла, и в этом смысле идеи Рикёра сближаются с когнитивной нарративистикой, подходом, в рамках которого термин «нарратив» «обозначает различные формы, внутренне присущие процессам нашего познания, структурирования деятельности и упорядочивания опыта» [Брокмейер, Харре, 2000, с. 36]. Однако для Рикёра это, прежде всего, форма временного опыта. Таким образом, под термином «нарратив» в данной статье будет подразумеваться когнитивный инструмент, сформировавшийся в результате развития культуры.

Перейдем к понятию нарративной идентичности. Это понятие представляется значимым в философском наследии Поля Рикёра, при этом трактовки его весьма неоднозначны. Рикёр ввел концепт нарративной идентичности в заключение к своей трилогии «Время и рассказ»¹, однако это были только первые краткие подступы. Здесь же Рикёр впервые предложил разделить идентичность на две составляющие: тождественность и самость. Во «Времени и рассказе» тождественность выступает как идентичность в классическом понимании проблемы, поставленной еще Локком, как «тот же самый» (*même*), Рикёр называет ее «субстанциональной или формальной идентичностью» [Ricoeur, 1985, p. 355]. Однако он полагает, что при таком понимании идентичности проблема изменений и многообразия состояний субъекта остается без решения. Но она может быть решена, если идентичность в смысле тождественности (*idem*) заменить идентичностью в смысле самости (*ipse*). И здесь Рикёр прямо отождествляет самость и нарративную идентичность [Ibid].

Каким же образом самость обеспечивает единство субъекта, его «тотжесамость», несмотря на все изменения, которые он претерпевает? Рикёр мимоходом уподобляет действие нарративной идентичности тройственному мимесису [о функционировании миметического см.: Рикёр, 1998, с. 65-106; Аникина, 2020, с. 134-135], разработанному в первом томе «Времени и рассказа»: «Самость рефигурируется посредством рефлексивного применения повествовательных конфигураций», и далее еще несколько соображений

¹ На русский язык переведены только первые два тома.

[Ricoeur, 1985, p. 357]. Но эти замечания становятся понятны только в свете последующих работ философа, а здесь, в заключении ко «Времени и рассказу», это еще только намек на возможный ход мысли, который и был реализован в дальнейшем.

Однако далее, в работе «Я-сам как другой», посвященной проблемам личной идентичности, Рикёр несколько переосмыслил идею нарративной идентичности. В первую очередь речь больше не идет об отождествлении самости с нарративной идентичностью, последней отводится более сложная роль, которую мы постараемся раскрыть ниже. Для начала Рикёр выделяет понятийный состав тождественности, а именно:

- тождественность как числовая идентичность – одна и та же вещь, точно та же самая;
- тождественность как качественная идентичность – такая же вещь, очень похожая по своим качествам;
- тождественность как отсутствие прерывания во времени для случаев, когда внешний вид и качества претерпели изменения.

В отношении субъектов, одушевленных существ тождественность как качественная идентичность неприменима. Мы не можем судить близнеца за проступки его очень похожего брата, а в случае потери достаточно разумного домашнего питомца нас не утешит другой, «очень похожий на него» (хотя хомяки и попугаи чаще взаимозаменяемы, чем кошки и собаки). В случае с человеком в вопросах личной привязанности и правовой ответственности мы должны быть уверены, что это тот же человек. Но при этом тождественность, как числовая идентичность, к живым существам также неприменима, т. к. они изменяются со временем. Следовательно, остается модель тождества как постоянства во времени. Тогда Рикёр задается вопросом: есть ли такое выражение «постоянства во времени, которое было бы несводимо к детерминации некоего субстрата?» [Рикёр, 2008. с. 148], т. е. такой ответ на вопрос «кто?», который бы не сводился ни к какому «что»². В качестве ответа он предлагает две модели постоянства во времени – характер и сдержанное слово.

Вероятно, эта часть рассуждений Рикёра оказалась довольно сложной, поскольку некоторые значимые детали ускользнули от многих исследователей. Возможно, это связано с многозначностью понятий «характер», «самость», «идентичность», а сам Рикёр не дает четких определений. Например, М. Монин пытается так упорядочить эти понятия: самость, по его мнению, «соответствует полюсу устойчивости “я”, соответствующему “согласию” в воспринимаемых (или создаваемых) “я” нарративах. Иначе говоря, самость отвечает на вопрос “что я такое?”» [Монин, 2019, с. 443]. А тождественность находится на другом полюсе идентичности и представляет собой «“я” со стороны поступка, ответственности, обещания, “я”, отвечающее на вопрос “кто я такой?” Очевидно, что эта сторона “я” соответствует нарративу, взятому в аспекте “несогласия”» [Там же]. Однако такая интерпретация не находит подтверждения в тексте Рикёра.

Во-первых, совершенно неочевидно, что тождественность и самость соотносятся с аспектами согласия и несогласия нарратива однозначным образом. Это произвольное сопоставление М. Монина, не обоснованное какими-либо рассуждениями, а в тексте Рикёра

---

² Первые четыре исследования (главы) книги «Я-сам как другой» Рикёр пытается проанализировать уже предложенные разными философскими концепциями ответы на вопросы «кто говорит?» и «кто действует?» и приходит к выводу, что все они так или иначе не доходят до вопроса о субъекте. Так, в философии языка размышления сосредоточены в основном вокруг вопроса «что говорится», а в теории действия анализ вопросов «что?» и «почему?» затмевает вопрос «кто?».

таких аналогий нет. Из того, что можно прочесть у Рикёра, скорее вытекает, что несогласие в нарратив может быть привнесено как со стороны тождественности, так и со стороны самости. Во-вторых, вероятнее, что для Рикёра именно самость, а не тождественность представляет собой «я» со стороны ответственности и обещания. Самость (*ipse*) – это тот полюс идентичности «Я», который заставляет субъекта держать слово и нести ответственность, даже если его интересы и свойства изменились: «Сохранение “Я”, синонимичного идентичности-*ipse*, принимается на себя только моральным субъектом, требующим, чтобы другого, которым, как кажется, он стал, считали тем же самым» [Рикёр, 2008, с. 346]. Важно заметить, что «сохранение “Я”» в самости может привести и к отказу от обещания, в том числе, при сохранении тождественности в характере. Хотя сам Рикёр и не пишет об этом, но его идея нарративной идентичности, выполняющей функцию опосредования между тождественностью и самостью, это как раз предусматривает.

Третья неувязка в интерпретации Монины состоит в том, что опять же, скорее самость может являться ответом на вопрос «кто?», в то время как, по мнению Рикёра, «характер есть поистине “что” от “кто”» [Ricoeur, 1990, p. 152]. Это последнее замечание выглядит малосущественным. Однако поиск ответа на вопрос «кто?», не сводимого ни к какому «что», представляется едва ли не центральной проблемой в книге «Я-сам как другой», и такие оговорки способны запутать читателя, желающего разобраться в этом непростом вопросе.

Впрочем, даже соотечественники Рикёра не вполне внимательны в трактовке ключевых понятий известного философа. Так, Ж.-М. Тета дает следующее изложение ключевых идей Рикёра: «Рикёр толкует динамическую идентичность через два полюса, вокруг которых формируется идентичность как постоянство во времени: то-же-самость³, т. е. “устойчивые признаки, по которым мы узнаем личность” и самость, т. е. “верность себе в данном слове”» [Тета, 2012, с. 108]. Если же обратиться к тексту Рикёра, то можно прочесть фразу целиком: «Характер – сказал бы я сегодня – обозначает совокупность длительных предрасположенностей, по которым мы узнаём личность» [Рикёр, 2008, с. 151]. Вероятно, Тета полагает, что тождественность реализуется через постоянство характера, в то время как самость у Рикёра всегда означает только сдержанное слово. Но тогда непонятно, в чем же динамичность идентичности: идентичность-тождественность есть постоянство характера, самость есть сдержанное слово, и, как далее пишет Тета, между этими составляющими идентичности разворачивается интрига как синтез этих двух полюсов. Но в чем же интрига? Где место изменчивости, непостоянства, то есть, динамичности? В интерпретации Тета в характере нет изменчивости, а если не сдержано слово, то нет самости. Однако Рикёр не был так категоричен.

Итак, после книги «Время и рассказ» Рикёр существенно детализировал понятие нарративной идентичности, представив его как опосредующее звено во взаимодействии тождественности и самости. Рикёр представляет следующую модель. Идентичность распадается на два полюса: тождественность (*idem*) и самость (*ipse*). Оппозиция их состоит

---

³ Так в русском переводе статьи Ж.-М. Тета. Переводчик М. Маяцкий не использовал терминологию уже вышедшего к тому времени перевода на русский язык «Я-сам как другой», и цитаты из Рикёра тоже давал в собственном переводе. Во французском тексте Тета стоит «la mêmeté», что в контексте книги «Я-сам как другой» переводится как «тождественность». Цитата Рикёра в оригинале звучит как «les dispositions durables à quoi on reconnaît une personne», однако перед ней стоит именно «Le caractère». Французский текст статьи Тета вышел позже в *Études théologiques et religieuses* [Tétaz, 2014, pp. 463-494]. Публикация доступна на сайте www.cairn.info.

в том, что со стороны тождественности совпадают обе предложенные Рикёром модели непрерывности во времени, т.е. постоянство характера и сдержанное слово. На противоположном полюсе оказывается самость, в сохранении которой эти модели расходятся. В повседневном опыте мы больше опираемся на модель тождественности: «... рассчитывать на кого-либо означает сразу и полагаться на постоянство характера, и ожидать, что другой сдержит слово, какими бы ни были изменения, способные повлиять на устойчивые характеристики, по которым он (другой) узнается» [Ricoeur, 1990, p. 176]. Кроме того, примерами совпадения выступают персонажи сказок и фольклора, которые выполняют все на них возложенное, проходят испытания и остаются теми же самими.

На противоположном полюсе оказывается самость. Самость – это как бы тождественность с учетом изменений, поэтому постоянство характера и обещания тут постоянно подвергаются испытаниям. По словам И. С. Вдовиной, «такая “изменчивая неизменность” есть самость, первой чертой которой является поддержание человеком собственного “я”» [Вдовина, 2019, с. 213]. Обстоятельства меняются, и субъекту приходится выбирать: оставаться прежним или меняться, следовать ли тем же целям, что были актуальны вчера, выполнить взятые обязательства или отказаться под влиянием изменившихся представлений, целей и вкусов. Но если все составляющие личной идентичности изменятся, то кто же выбирает? Однако так не бывает, чтобы в один момент изменилось сразу все, что-то остается неизменным, – самость, чем бы она ни была, сохраняет опору в тождественности.

То, что удерживает вместе тождественность и самость – это и есть нарративная идентичность, она же служит посредником между постоянством характера, как неким субстанциональным основанием идентичности, и сдержанным словом, как измерением моральной ответственности субъекта. Диалектика этих двух видов сохранения «Я» составляет личную идентичность: на полюсе тождественности они совпадают, на полюсе самости – расходятся. Однако их полное расхождение или преобладание одной над другой – ситуация для личности скорее экстремальная. Как подчеркивает Рикёр, для сохранения идентичности «Я» необходимо именно поддержание баланса, диалектическое взаимодействие самости и тождественности, которое осуществляется в нарративной идентичности.

Литературу Рикёр называет «обширной лабораторией для мысленных экспериментов» [Ricoeur, 1990, p. 176], представляющих различные вариации сочетания тождественности и самости с разной степенью опоры на постоянство характера. Таким образом, указанные полюса – это не жесткие оппозиции, но некоторое пространство возможностей, которые актуализируются в воображаемых вариациях, в которые повествование и облекает идентичность. На наш взгляд, представление о самости и тождественности как о полюсах или оппозициях усложняет вопрос. У исследователей часто (возможно, даже невольно) проскальзывает понимание тождественности и самости как противопоставления, альтернативы, как явлений, которые могут существовать отдельно друг от друга. Так, В. И. Тюпа, критически подходя к концепции нарративной идентичности Рикёра, пишет, что «личностная идентичность “я” (самости) ... столь же нарративна по своей природе, как и постоянство характера» [Тюпа, 2017]. В. И. Тюпа полагает, что характер – это внешняя сторона, «нарративная идентичность для других», самость же – внутренняя, «нарративная идентичность для себя» [Там же]. Однако такое разделение представляется слишком абстрактным, как бы случайно подвернувшимся, для Рикёра же характер и самость

не сопоставимы напрямую. Характер составляет один из аспектов самости, который может в каких-то случаях входить в конфликт с другим аспектом – сдержанным словом. Но также они могут друг друга поддерживать.

Среди вымышленных вариаций нарративной идентичности вполне могут существовать разные образы для себя и для других, но в них нет противопоставления по линии самости и тождественности. Эти две составляющие тем или иным образом сочетаются в каждом из образов. Явные конфликты между ними, как и значительное преобладание одной составляющей над другой, – это крайние случаи, по мнению Рикёра, представленные разными видами литературы. Так он полагал, что «воображаемые вариации научной фантастики экспериментируют с тождественностью⁴, тогда как художественная литература имеет дело с самостью, или, точнее, с самостью в ее диалектических отношениях с тождественностью» [Ricoeur, 1990, p. 179].

Скорее можно предположить, что самость надстраивается над тождественностью, являясь некоторым историческим развитием идентичности. Тогда это не оппозиции по выполняемой функции или по каким-либо характеристикам, но другой уровень сложности. В отношении литературных воплощений тождественности и самости (от фольклора до романа) В. И. Тюпа также отмечает, что «это уже не столько логические полюса, сколько исторические координаты эволюции нарративной идентичности» [Тюпа, 2017].

Нельзя сказать, что понятие нарративной идентичности вызвало большой интерес у исследователей, и это можно объяснить двумя факторами. Первой причиной, на наш взгляд, является динамический характер, который Рикёр приписывает нарративной идентичности, что затрудняет использование этого концепта. Научным понятиям свойственен известный редукционизм: определенные свойства явления отсекаются, но выделяются сущностные характеристики, благодаря чему понятие становится операциональным, подходящим для анализа явлений. Понятие идентичности представлялось некой статичной доминантой личности, хотя и изменяющейся время от времени в соответствии с возрастом, социальной принадлежностью или иными факторами. И тем не менее, именно аспект тождественности преобладал в понимании идентичности. Так, по Эриксону, идентичность есть «длящееся внутреннее равенство с собой» [Философия ..., 2004, с. 300]. Рикёр же привнес в понятие идентичности еще одно измерение, добавив сложности, чтобы повысить точность описания, что затрудняет использование этого понятия в традиционных редукционистских концепциях.

Во-вторых, это литературоведческое прошлое самого понятия нарратива, из-за которого оно до сих пор несет на себе печать «всего лишь» рассказа. При этом нарратив сводится к интриге, т. е. к заданной цепочке событий или к сюжету, как к некоторому клише. Так, Ж.-М. Ферри в статье «Наррация, интерпретация, аргументация, реконструкция.

---

⁴ Рикёр, на наш взгляд, слишком жестко разграничивает литературу и научную фантастику по этому принципу. Он полагает, что именно научная фантастика имеет дело с такими темами, как телепортация, техногенные и хирургические изменения человека, обмен телами и прочие мыслительные эксперименты, которые, по мнению французского мэтра, покушаются на само основание человеческой сущности. Однако сегодня высокая литература активно осваивает новую проблематику, как, например, в романах нобелевского лауреата К. Исигуро. Кроме того, полем экспериментов для нарративной идентичности являются и фильмы, и музыка, и компьютерные игры, и даже социальные сети, где предложенное Рикёром разделение перестает работать.

Регистры дискурса и нормативность социального мира» противопоставляет идентичность нарративную и аргументативную. Под нарративной идентичностью он понимает отождествление (непроизвольное) читателем или слушателем себя с героем повествования. Такая стратегия не предполагает конструирования нарратива субъектом, но заимствование готового сюжета. По мнению Ферри, нарративная идентичность теряет свою значимость, когда индивид начинает отождествлять себя скорее с проводимой им точкой зрения, чем с персонажем некоторой истории [Ferry, 1999, p. 248].

Однако в концепции Рикёра интрига хотя и является конституирующей составляющей нарратива, но это лишь один из способов конфигурации событий. Главное свойство нарратива, по мысли Рикёра, – его способность опосредовать человеческое время, связывать прошлый опыт с настоящим положением вещей в предвосхищении будущих последствий действий. Уже в работе «Время и рассказ» он рассматривал разные инструменты, которые могут для этого использоваться: модель охватывающего закона, каузальный анализ без привлечения понятия закона, функциональные связи и, среди прочего, различные способы построения интриги. По словам Тета, для Рикёра «личная идентичность – это не некая естественная данность сознания, а результат опосредования “рассказами”, нарративами, понятыми как разнообразные модели повествовательной конфигурации действия» [Тета, 2012, с. 101].

Конечно, Рикёр и сам воспринимал понятие нарратива в первую очередь в контексте литературы и чтения. Можно встретить у него и такие слова: «... личность, понимаемая как персонаж повествования» [Рикёр, 2008, с. 190], как будто нарративная идентичность – это только и есть, что способность идентифицировать себя с готовым персонажем. Некоторые исследователи обратили внимание только на такую трактовку [см., например: Ferry, 1999; Старовойтов, 2012]. Однако уже в контексте работы «Время и рассказ» видно, что Рикёр видит все перспективы нарратива как когнитивного инструмента, который действительно сформировался в ходе развития литературы. В докладе 1988 г. он говорит, что «повествовательная идентичность – идентичность, которой человеческий субъект достигает при посредничестве повествовательной функции» [Рикёр, 2017, с. 239]. Повествовательная функция – это способность выделять события и видеть взаимосвязи между ними, например, проследить развитие ситуации или увидеть целостность жизни, а не набор мимолетных эпизодов. То есть главное содержание нарративной идентичности – не идентификация себя с готовыми персонажами, а способность увидеть себя как героя своего собственного повествования, которая, по мысли Рикёра, проистекает из нашей способности к чтению, в смысле способности идентифицировать персонажей вообще, проследивать сюжет и воспринимать произведение как целостное высказывание.

Из предложенной трактовки понятия нарративной идентичности вытекает вопрос о ее подлинности. «Такая идентификация становится средством для самооболащивания или выдумки – примерами здесь являются Дон Кихот и мадам Бовари» [Ricoeur, 1988, p. 299]. Однако представление о том, что в игре воображения мы рискуем принять на себя ложную идентичность, Рикёр относит к «герменевтике подозрения». По этому поводу он замечает, что герменевтика подозрения вообще имеет смысл, только если есть возможность противопоставить подлинное (*authentique*) и неподлинное (*inauthentique*).

Каким образом мы можем понять, что же есть подлинная идентичность субъекта? Рикёр полагает, что нельзя «взывать к подлинности идентификации с некой моделью, не приняв гипотезы, согласно которой построение себя через опосредование другим может

быть подлинным средством для раскрытия самости, что конструирование себя приводит к тому, что мы действительно становимся тем, кто мы есть» [Ibid]. Иными словами, мы не узнаем, кто мы есть *на самом деле*, пока не обнаружим в себе переплетение сходств и различий с теми, кто уже был, есть или мог бы существовать, созданный чужим воображением.

Концепция нарративной идентичности подразумевает, что нет какого-то предзаданного образа, предустановленной идентичности, каковой могла бы быть национальная идентичность, профессиональная, социальная и другие. Самоидентификация субъекта есть процесс, а не образ и даже не перебор образов, не смена «масок». Вернее, она может стать процессом, если субъект готов адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам. Если позволить себе метафору, то нарративная идентичность – скорее смысловое поле, организованное по линиям напряжения между полюсами самости и тождественности, постоянства и изменчивости, предзаданности характера и волевой устремленности.

Вопрос об адекватности возникающей таким образом идентичности и, следовательно, о применимости данной концепции для решения проблемы субъекта («кто» говорит, действует, несет ответственность?) требует дальнейшего исследования. Тем не менее, уже можно отметить, что категория нарративной идентичности может выступать объяснительной моделью сохранения временной непрерывности субъекта с учетом изменчивости его самости, особенно в современных условиях быстрых социальных изменений.

Список литературы / References

Аникина, А. Б. (2020). Миметический круг П. Рикёра как механизм репрезентации прошлого. *Сибирский философский журнал*. Т. 18. № 4. С. 130-144. DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2020-18-4-130-144>

Anikina, A. B. (2020). P. Ricoeur's Mimetic Circles as a Tool for Representing of the Past. *Siberian Journal of Philosophy*. Vol. 18. no. 4. pp. 130-144. DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2020-18-4-130-144> (in Russ.)

Брокмейер, Й., Харре, Р. (2000). Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы. *Вопросы философии*. № 3. С. 29-42.

Brockmeier, I., Harre, R. (2000). Problems and Promises of an Alternative Paradigm. *Questions of philosophy*. no 3. pp. 29-42. (in Russ.)

Вдовина, И. С. (2019). *Полю Рикёра: на «Елисейских полях» философии*. М. Канон-плюс. 287 с.

Vdovina, I. S. (2019). *Paul Ricoeur: on the Champs Elysees of Philosophy*. Moscow. 287 p. (in Russ.)

Монин, М. А. (2019). *Апология культуры. Три прочтения «Времени и рассказа» Поля Рикёра*. М. Прогресс-Традиция. 648 с.

Monin, M. A. (2019). *Apology of culture. Three Readings of "Time and Narrative" by Paul Ricoeur*. Moscow. 648 p. (in Russ.)

Рикёр, П. (1998). *Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ*. М.; СПб. Университетская книга. 313 с.

Ricoeur, P. (1998). *Time and the Story. Vol. 1. Intrigue and Historical Narrative*. Moscow. St. Petersburg. 313 p. (in Russ.)

Рикёр, П. (2008). *Я-сам как другой*. М. Изд-во гуманитарной литературы. 416 с.

Ricoeur, P. (2008). *Oneself as Another*. Moscow. 416 p. (in Russ.)

Рикёр, П. (2017). Повествовательная идентичность. Рикёр П. *Философская антропология: рукописи и выступления*. Пер. с фр. И. С. Вдовиной. М. Изд-во гуманитарной литературы. Т. 3. С. 238-251.

Ricoeur, P. (2017). Narrative Identity. In Ricoeur P. *Philosophical Anthropology: Manuscripts and Speeches*. Vdovina, I. S. (transl.). Moscow. Vol. 3. pp. 238-251. (in Russ.)

Старовойтов, В. В. (2012). Проблема Я, личности, самости в творчестве Поля Рикёра и в современных психологических и психоаналитических исследованиях. *История философии*. № 17. С. 160-176.

Starovoitov, V. V. (2012). The Problem of "I", Personality, Selfhood in the Work of Paul Ricoeur and in Modern Psychological and Psychoanalytic Research. *History of Philosophy*. no. 17. pp. 160-176. (in Russ.)

Тета, Ж.-М. (2012). Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции концепции Поля Рикёра. *Социологическое обозрение*. Т. 11. № 2. С. 100-121.

Tétaz, J.-M. (2012). Narrative Identity as a Theory of Practical Subjectivity. To the Reconstruction of the Concept of Paul Ricoeur. *Russian Sociological Review*. Vol. 11. no. 2. pp. 100-121. (in Russ.)

Тюпа, В. И. (2017). Кризис идентичности как нарратологическая проблема. *Narratorium*. № 1(10). [Электронный ресурс]. URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2637243> (дата обращения: 25.11.2022).

Тюпа, V. I. (2017). Identity crisis as a narratological problem. *Narratorium*. no. 1 (10). [Online]. Available at: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2637243> (Accessed: 25 November 2022). (in Russ.)

Философия: Энциклопедический словарь. (2004). Под ред. А. А. Ивина. М. Гардарики. 1072 с.

Ivin, A. A. (ed.). (2004). *Philosophy: Encyclopedic Dictionary*. Moscow. 1072 p. (in Russ.)

Ferry, J.-M. (1999). Narration, interprétation, argumentation, reconstruction. Les registres du discours et la normativité du monde social. In Renaut, A. (ed.). *Histoire de la philosophie politique. Vol. 5. Les philosophies politiques contemporaines*. Paris. Calmann-Lévy.

Ricoeur, P. (1985). *Temps et récit*. T. 3. Paris. Seuil. 432 p. (In French)

Ricoeur, P. (1988). L'identité narrative. In Bühler, P., Habermacher, J.-F. (eds.) *La narration: quand le récit devient communication*. Genève. Labor et Fides. pp. 287-300. (In French)

Ricoeur, P. (1990). *Soi-même comme un autre*. Paris. Seuil. 428 p. (In French)

Tétaz, J.-M. (2014). L'identité narrative comme théorie de la subjectivité pratique. Un essai de reconstruction de la conception de Paul Ricoeur. *Études théologiques et religieuses*. Vol. 89. no. 4. pp. 463-494. (in French)

Сведения об авторе / Information about the author

Аникина Александра Борисовна – кандидат философских наук, преподаватель Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Пирогова, 1, e-mail: lieda27@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5713-3168>.

Статья поступила в редакцию: 12.01.2023

После доработки: 01.03.2023

Принята к публикации: 20.03.2023

Anikina Alexandra – Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer at Novosibirsk State University, Novosibirsk, Pirogova str., 1, e-mail: lieda27@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5713-3168>.

The paper was submitted: 12.01.2023

Received after reworking: 01.03.2023

Accepted for publication: 20.03.2023